

УДК-323.1(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-3-86-98

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СТЕПЯХ ЗАБАЙКАЛЬЯ: МНЕМОНИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Д. В. Ефременко

Ефременко Дмитрий Валерьевич, главный научный сотрудник, заместитель директора, Институт научной информации по общественным наукам РАН.
E-mail: efdv2015@mail.ru (ORCID 0000-0001-6988-472X. Researcher ID: Q-1907-2016).

Аннотация

Анализируются проблемы политики памяти в современной Бурятии. Пример Бурятии демонстрирует особенности политики памяти на уровне региона, где мнемонические взаимодействия и нарративы могут отличаться от соответствующих процессов на федеральном уровне. Как и большинство регионов со статусом автономии, Бурятия отличается более напряженным режимом исторической памяти по сравнению с регионами, где этничность не имеет территориального измерения. Рассмотрены взаимодействия ключевых мнемонических акторов, выявлены основные зоны конфликтов, связанные с различными трактовками исторического прошлого. Особое внимание уделяется политике памяти, связанной с ролью буддизма в истории и культуре региона.

Ключевые слова: политика памяти; Республика Бурятия; мнемонические акторы; памятники; коммеморации; этничность.

Интенсивный рост интереса к проблемам политики памяти в последние годы обусловлен целым рядом факторов, среди которых большую роль играет использование исторического прошлого в качестве значимого аргумента в межгосударственных взаимодействиях. В то же время определенные трактовки исторических событий и процессов используются в качестве инструментов национального сплочения, трансформации / консервации макрополитической идентичности, обеспечения легитимности политического режима, обоснования суверенного контроля над той или иной территорией и т.д. При этом все чаще обнаруживает себя многослойность политики памяти, а именно своеобразие мнемонических взаимодействий и нарративов на региональном и локальном уровнях, которые в ряде случаев могут существенно отличаться от соответствующих взаимодействий и мастер-нарратива на общенациональном уровне.

В настоящей статье в сжатом виде представлены данные, позволяющие сформировать представление об особенностях политики памяти в Республике Бурятия как регионе, имеющем ярко выраженную социокультурную специфику, но при этом репрезентирующим многие особенности и проблемы, характерные для ряда других регионов Сибири и Дальнего Востока. Среди общих факторов надо отметить то, что большинство российских регионов в разные исторические эпохи оказывались в зоне пограничья. Речь идет не только о линии прохождения государственной границы, но – в более широком смысле – о феномене блуждающего социокультурного фронта: «почти все территории побывали приграничными в том или ином смысле – как покоряемая заграница или возвращаемая родина, как осваиваемая «пустая» земля, как удерживаемые внутренние рубежи, как обустраиваемая или охраняемая государственная граница» (Каганский, 2013: 9). Эти характеристики в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке выглядят наиболее рельефно, они в меньшей степени «сглаживаются» действием других социокультурных факторов. В случае Бурятии традиционная «москвоцентричная» оптика дополняется или даже оспаривается видением республики как части Внутренней Азии, включающей в себя и *Rex Mongolica*, и ареал распространения тибетского буддизма.

В Бурятии в полной мере проявляются особенности, характерные для регионов со статусом автономии, конституирующей политической субъектность титульного этноса. Взаимодействие представителей титульного этноса и других этнических групп чрезвычайно важно для понимания конфликтов памяти и диспозиции мнемонических акторов. В этой диспозиции значимую роль играют

группы и объединения, в разное время заявлявшие о себе как о защитниках этнических (этноконфессиональных) интересов.

Подъем первой волны этнической мобилизации бурят в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. происходил благодаря активности таких акторов, как национально-культурное и просветительское объединение «Гэсэр», Союз бурятской интеллигенции, движение «Нэгэдэл», Конгресс бурятского народа. Вторая волна этнической мобилизации середины 2000-х гг., спровоцированная инициативами по укрупнению субъектов федерации, поддерживалась частью сохранившихся со времен первой волны этнополитических организаций, а также вновь образованными «Региональным объединением молодых ученых» (РОМУ) и правозащитным движением «Эрхэ». Их основные требования состояли в следующем: «реабилитация погрязших коммунистическим режимом прав бурятского народа, восстановление его национально-территориального единства, укрепление суверенитета и политического веса республики, всемерная интеграция с родственными народами и странами, прежде всего с Монголией, восстановление русско-бурятского паритета в парламенте и правительстве республики, возвращение прежнего наименования «Бурят-Монголия», защита бурятских национальных образований» (Амоголонова, Батомункуев, Варнавский, 2008: 82). В 2010-х – начале 2020-х гг. можно говорить об относительном снижении активности этих акторов (часть из них прекратили свое существование), но в публичной сфере и сетевом пространстве продвигаемые ими нарративы сохраняют свое присутствие, а в некоторых случаях (в частности, в период электоральных компаний) их продвижение становится более интенсивным.

Нет оснований говорить о симметрии в публичном поле республики в плане присутствия групп, претендующих на отстаивание интересов этнических русских. Тем не менее заметным мнемоническим актором является казачество, современные представители которого всячески стремятся подчеркнуть свою преемственную связь с утверждавшими российскую государственность в Сибири казаками-землепроходцами. В ряде случаев исходящие из среды казачества инициативы способствовали достаточно существенному изменению характера взаимодействий мнемонических акторов.

Как и в большинстве субъектов Федерации, региональные власти являются ключевыми акторами политики памяти, имеющими качественный ресурсный перевес над другими акторами. Решение наиболее значимых вопросов (если оно не переходит на федеральный уровень) остается за чиновником, находящимся на вершине соответствующего сегмента вертикали власти – губернатор, глава республики, мэр города, глава района.

По вопросам политики памяти региональным лидерам приходится в большей степени учитывать федеральную повестку, воздерживаясь от достаточно резких шагов и предпочитая в ряде случаев отдать инициативу другим региональным или локальным мнемоническим акторам. Для последних такая линия поведения открывает более широкое окно возможностей. В случае Бурятии, где дискуссионные проблемы исторического прошлого, как правило, рассматриваются в контексте межэтнических отношений, региональные власти обычно действуют с большой осмотрительностью, стараясь уходить от прямой вовлеченности в конфликт и – во многих случаях – затягивая решение спорного вопроса. В то же время необходимо принимать во внимание, что региональные власти, наряду с федеральными структурами, выступают в качестве грантодателей, тем самым получая возможность оказывать критическое или существенное влияние на деятельность большого количества местных НКО и реализацию многих общественных инициатив.

Влиятельными и нередко достаточно активными мнемоническими акторами являются представители различных конфессий, прежде всего, Пандито Хамбо-лама и другие представители буддистского духовенства, иерархи Русской православной церкви. Общей особенностью их подхода является отказ от регулярного вмешательства в решение проблем исторической памяти по всему «дискуссионному фронту». Обычно они фокусируют свое внимание на тех проблемах, которые связаны с историей в регионе соответствующей конфессии.

Следует учитывать, что буддизм в Бурятии отличают конкуренция представителей различных направлений и школ, а также неоднозначные отношения с республиканскими и федеральными властями. Наиболее сильные и институционально защищенные позиции имеет Буддистская традиционная сангха России (БТСР), возглавляемая Пандито Хамбо-ламой. БТСР придерживается консервативных подходов в рамках буддистской традиции Гелуг, при этом действуя весьма активно на поле исторической памяти, связанной с историей буддизма, Бурятии и Внутренней Азии в целом. Традиционная сангха выступает оплотом патриархальных ценностей, исторически сложившихся видов хозяйственной деятельности, сохранения диалектных особенностей бурятского языка. С этих позиций БТСР оказывает поддержку историко-просветительским проектам, включая кинодокументалистику и

публикацию исторических трудов. Для БТСП и особенно XXIV Пандито Хамбо-ламы Д. Б. Аюшеева характерна подчеркнутая лояльность федеральному центру, особенностью которой, однако, является стремление обращаться к его представителям напрямую, во многих случаях обходя опосредующее звено в лице республиканского руководства. Стремление к прямому взаимодействию с ключевыми фигурами в Москве формировало структурные и психологические основания для конкурентных отношений между БТСП и светской властью Бурятии. Лидеры последней (даже несмотря на их двукратную смену после 1991 г.), избегая прямого противостояния с традиционной сангхой, стремятся блокировать претензии Пандито Хамбо-ламы на статус автономной духовной власти. В связи с этим определенной поддержкой с их стороны пользуются адепты других течений буддизма, в частности, напрямую представляющих тибетскую традицию Гелуг и Далай-Ламу. Эти течения менее консервативны, благодаря чему они достаточно привлекательны для молодежи. Растет популярность и таких течений как Дзогчен и Карма Кагью, вполне открытых модернистским тенденциям и акцентирующих космополитический характер буддизма. Правда, ресурсные возможности их представителей недостаточны для того, чтобы конкурировать с БТСП в качестве значимых мнемонических акторов (Варнавский 2011: 201).

Старообрядчество в Бурятии представлено семейскими – особой этноконфессиональной группой в Забайкалье. Несмотря на свою сегодняшнюю немногочисленность, они оказывают существенное влияние на общественную жизнь Бурятии и способствуют расширению тематического репертуара политики памяти, иницируя проекты, значимые для старообрядцев по всей России и за ее пределами.

Свой вклад в дискуссии по проблемам исторической памяти вносят региональные отделения и лидеры общенациональных политических сил. В частности, в Бурятии достаточно сильны позиции КПРФ. Правда, везде речь идет о комбинации факторов, связанных с уровнем протестных настроений в регионе, способностью региональных подразделений и лидеров использовать их как в электоральной борьбе, так и в аппаратных взаимодействиях с администрацией Президента РФ и другими федеральными властными структурами. Нередко соображения тактического маневрирования оказываются более значимыми, чем идеологическая идентичность соответствующей политической силы. В результате региональные отделения и лидеры в своей деятельности сочетают трансляцию общероссийской повестки своей партии с преимущественным продвижением позиций, значимых именно для данного региона.

История «до России»

Первый очевидный рубеж, демонстрирующий различия в дискурсивном пространстве политики памяти в Бурятии и соседних регионах (в частности, Иркутской области), проходит через описание и восприятие истории этих территорий в эпоху, предшествовавшую появлению там русских землепроходцев. В Иркутской области внимание фокусируется на археологических памятниках и этнографически значимых артефактах, позволяющих получить более полное представление о материальной и духовной культуре автохтонного населения. Контекст политической истории практически отсутствует. За исключением части бурятского населения (прежде всего, в Усть-Ордынском округе), этот период не вызывает значительного интереса региональных мнемонических акторов. Фактически в дискурсивном поле находится лишь история вхождения и пребывания этих земель в составе российского государства.

Совершенно иная картина наблюдается в Бурятии. Обращение к «дороссийской» истории здесь очень популярно. Центральное положение в этом нарративе занимает фигура Чингисхана, но общественный интерес связан не только с монгольской эпохой, но и с более ранним периодом присутствия хунну (сюнну) на территории современной Бурятии. Наибольшее внимание привлекает хуннское городище в Иволгинском районе. «Гуннский фонд», возглавляемый предпринимателем О.И. Булутовым, на протяжении двух десятилетий ведет активную деятельность по пропаганде и исследованию хуннских археологических памятников, продвигая экстравагантный тезис о хунну как предках современных бурят. Весьма показательным, что «Гуннский фонд» получает поддержку на разных уровнях исполнительной власти, а также пользуется вниманием региональных медиа. Мэрия Улан-Удэ планировала расширение территории города, позволяющее включить в его состав Иволгинское городище. В сентябре 2011 г. власти Улан-Удэ организовали весьма помпезный День древнего города, в программу которого входило представление под открытым небом оперы Дж. Верди «Атилла», а также показ гуннской коллекции местных дизайнеров этнической одежды. Предполага-

лось, что за счет инкорпорирования Иволгинского городища Улан-Удэ сможет претендовать на статус древнейшего города России, обойдя тем самым дагестанский Дербент в этом неформальном соревновании. Хотя этот план до сих пор не реализован, разработка хуннской тематики продолжает пользоваться благосклонностью властей.

Особое внимание к фигуре Чингисхана и его наследию не является исключительной особенностью Бурятии – в большей или меньшей степени эта тенденция прослеживается и в других тюркских и монголоязычных регионах. Объективными основаниями такой популярности является то, что территория Бурятии вошла в состав империи Чингисхана на раннем этапе ее формирования и именно здесь происходил ряд важных событий жизни завоевателя, его близких, части наследников и ближайших соратников. С империей Чингисхана и государствами, возникшими после ее распада, связан важнейший этап этногенеза бурят и формирования их идентичности. Но есть и субъективные основания стремления к сопричастности мифу о Чингисхане. В их числе – сама репутация Чигисхана как одного из крупнейших в мировой истории завоевателей и основателя империи, охватившей большую часть евразийского континента. В контексте России такая сопричастность подчеркивает некую «инаковость», прямую связь с другой государственной и имперской традицией, которая, правда, оказала существенное влияние и на институциональный дизайн российской государственности. На этой волне происходит романтизация образа бурят как некогда кочевого народа с особым духом степной свободы.

Пиетет к Чингисхану отражает определенный сдвиг в бурятской идентичности, общий подъем этнического самосознания. Миф о Чингисхане находит отражение в литературе, музыкальных произведениях, театральных постановках, публицистике, шире – в сфере public history. Во многом здесь сказалось влияние процессов в политике памяти в соседней Монголии, где фигура Чингисхана после 1991 г. обрела статус национального героя, а его глорификация призвана подчеркнуть достижение Монголией всей полноты политического суверенитета (Kaplonsky, 2004). Фигура Чингисхана, безусловно, символизирует принадлежность бурят к ареалу монгольской цивилизации, но в то же время в публичном дискурсе не наблюдается столь же высокой готовности ассоциировать государственность Бурятии с монгольскими государственными образованиями, существовавшими после распада империи Чингисхана. На этом фоне позицию официальных структур в отношении нарратива о Чингисхане и монгольской имперской традиции, скорее, можно охарактеризовать как невнятную. В сфере символической политики делались определенные шаги навстречу почитателям воинских доблестей, ассоциируемых с Чингисханом и его войском. Так, в 2005 г. в Улан-Удэ был открыт новый мост через Селенгу, на котором установлены фигуры богатырей-баторов, маркирующих связь бурятской истории с историей всей внутренней Азии в эпоху Чингисхана. Подобные смысловые коннотации, очевидно, имеет и памятник Гэсэру – эпическому небесному всаднику и покровителю воинов. Разумеется, данные шаги следует рассматривать в контексте непростого маневрирования тогдашнего руководства республики во главе с президентом Л.В. Потаповым, вызванного ростом недовольства бурятской общественности проектами укрупнения регионов, в результате осуществления которых Усть-Ордынский Бурятский автономный округ и Агинский Бурятский автономный округ утратили статус самостоятельных субъектов федерации. Тем не менее такая символическая политика явно способствовала прочтению изменяющегося облика постсоветского Улан-Удэ как одного из центров *Rax Mongolia* и социокультурного пространства Внутренней Азии.

От землепроходцев до гибели империи

Отношение к периоду вхождения территорий Восточной Сибири в состав российского государства, к действиям землепроходцев является еще одним показателем существенных различий в мнемонических ландшафтах Иркутской области и Бурятии. В Иркутской области появление землепроходцев фактически признается первой вехой исторического бытия региона, но сколь-нибудь активных дискуссий по этой теме не ведется. Принципиальный вопрос – было ли проникновение русских в Восточную Сибирь и на Дальний Восток преимущественно мирным освоением «незанятого» пространства или колонизацией – в основном остается за пределами дискурсивного поля.

В отличие от Иркутской области, в Бурятии роль первых русских поселенцев, в частности, основателей Удинского зимовья (чуть позднее – острога) оказалась предметом весьма острого конфликта памяти (Михалев, 2020). Наиболее напряженная фаза конфликта восходит к 2011 г., когда в рамках празднования 350-летия вхождения Бурятии в состав Российского государства намечалась установка памятника казакам Г. Ловцову и О. Васильеву, которые возвели в 1666 г. острог на Бата-

рейной горе. Впрочем, сама идея увековечения памяти основателей Улан-Удэ начала обсуждаться еще в 1991 г., когда группа казаков во главе с атаманом Ю. Касьяновым водрузила на Батарейной горе деревянный поклонный крест. Коммеморативные мероприятия и в особенности планы по установке памятника послужили триггером интенсивной протестной кампании со стороны ряда бурятских общественных организаций, групп и отдельных активистов. Основным тезисом состоял в том, что включение территорий проживания бурят в состав России не было добровольным, сопровождалось насилием, применявшимся по отношению к местному населению и основателями Удинского острога. Функциональное назначение зимовья и острога было, прежде всего, связано с решением фискальных задач при опоре на казачью вооруженную силу. Соответственно, инициаторы протестной кампании подчеркивали, что установкой памятника прославляется репрессивная сторона деятельности землепроходцев. Публичные дискуссии, выступления в средствах массовой информации и интернете довольно быстро достигли высокого эмоционального накала, причем их участники в основном разделились по принципу этнической принадлежности. Стоит отметить, что помимо русских и бурят, высказывались и представители общины эвенков. Эвенки выступали в поддержку установки памятника казакам – основателям Улан-Удэ, но с поправкой на необходимость включить в состав скульптурной композиции фигуры, символизирующие эвенков и бурят. Они отмечали мультиэтнический состав казачества в Сибири и, в частности, то, что в 1667 г. эвенкийский князь Гантимур перешел из цинского в российское подданство и стал основателем Тунгусского пятисотенного казачьего полка.

В середине 2010-х гг. стала обсуждаться возможность установки памятника не на историческом месте, а в районе новостроек, причем предполагалось посвятить его всем казакам Бурятии, а не только Г. Ловцову и О. Васильеву. Правда, и этот компромисс натолкнулся на сопротивление тех, кто считал, что «в памяти бурятского народа казаки, пришедшие в Восточную Сибирь и в Забайкалье, оставили страшный след»¹. В результате вопрос вновь «завис», а столица Бурятии остается, по образному выражению одного из сторонников установки памятника, городом «непорочного зачатия»².

Одним из важных следствий многолетнего затягивания установки памятника основателям Улан-Удэ и связанной с этим поляризации общественных сил стала существенная активизация на поле символической политики казачества и других групп, выступающих за увековечение памяти о значимых событиях и деятелях дореволюционной эпохи. В их числе выделяется деятельность «Общества русской культуры РБ», во второй половине 2010-х гг. добившегося установки мемориальных досок казакам Г. Ловцову и О. Васильеву, воеводе и дипломату Ф. Головину, императору Николаю II, известным горожанам Верхнеудинска Н. Бурлакову и М. Танскому, в Селенгинском районе - мемориала ссыльному гетману левобережной Украины Демьяну Многогрешному, разгромившему монголов в сражении в Убиенной пади (1688). Насколько можно судить, нынешнее республиканское руководство во главе с А. С. Цыденовым пытается нащупать новый баланс во взаимодействии с различными акторами, выступающими «за» или «против» глорификации деятелей и событий дореволюционной эпохи. В эту тактику вполне укладывается участие республиканского руководства в ряде мероприятий, поддерживаемых теми, кто отстаивает преимущественно позитивную смысловую нагруженность истории Бурятии в составе Московского царства и Российской империи. В частности, открытие в Кяхте памятника дипломату петровской эпохи и основателю этого города Савве Рагузинскому (2018) проходило на высшем уровне представительства республиканских властей. По крайней мере, по оценке известного бурятского интернет-журналиста В. Тараруева, все эти сдвиги в символической политике указывают на завершение периода, когда «имперская» история края была «словно под негласным запретом»³.

История духовенства как социальной группы в контексте политики памяти в Бурятии оказывается практически совпадающей с историей соответствующих конфессий. Лишь отдельные события, персоналии и духовные центры могут претендовать на статус самостоятельного места памяти. Так, для старообрядческих общин Восточной Сибири и Дальнего Востока своеобразным «общим знаменателем» может служить сибирская ссылка протопопа Аввакума; с 2007 г. ежегодно проводятся международные встречи старообрядцев «Путь Аввакума». С начала 2000-х гг. в республике реализуется

¹ «Алексея Цыденова просят «заморозить» памятник казакам» (2017), *Новая Бурятия*, 6 июня. URL: <https://newbur.ru/n/17207/> (дата обращения: 30.05.2022).

² Щеглов, М. (2015) «Памятник, который не поставлен», *Агентство политических новостей – Нижний Новгород*, 9 дек. URL: <https://apn-nn.com/analytic/pamyatnik-kotoryu-ne-postavlen/> <https://apn-nn.com/analytic/pamyatnik-kotoryu-ne-postavlen/> (дата обращения: 30.05.2022).

³ Тараруев, В. (2018) «Савва Рагузинский – «ледокол» культурных перемен в Бурятии», *Сайт Василия Тараруева*, 26 июня. URL: <http://tararuev.ru/2018/06/26/raguzinskiy-ledokol-rus-kulture/> (дата обращения: 30.05.2021).

программа по изучению и сохранению культуры семейских; в 2007 г. культура забайкальских старообрядцев была включена ЮНЕСКО в перечень шедевров устного и нематериального наследия человечества (Петрова, 2017).

В случае РПЦ местами памяти являются миссионерские форпосты (например, существующие с конца XVII в. Свято-Троицкий Селенгинский монастырь и Посольский Спасо-Преображенский монастырь), история которых тесно переплетается с историей русского освоения региона.

Буддизм играл и продолжает играть важнейшую роль в формировании идентичности бурят. Буддистские монастыри, возникшие в эпоху Российской империи (Гусиноозерский Тамчинский, Анинский, Аларский и др. дацаны), имеют большое значение и для исторической памяти бурят, и для репрезентации истории буддизма в Сибири. Однако здесь нередко приходится иметь дело с различными смысловыми коннотациями. Так, в частности, Анинский дацан и окружающие его субурганы можно рассматривать как хранилище родовой памяти хоринского бурятского субэтноса. Кроме того, в качестве места памяти этот дацан может служить символом бурятско-буддистского лоялизма, поскольку именно в нем (до закрытия в 1930-е гг.) хранились родовые знамена хоринских бурят, врученные их делегации Петром I в 1703 г. С момента основания Анинского дацана в 1795 г. там был создан прецедент почитания скульптурного изображения российского монарха (Екатерины II) как живого воплощения Белой Тары⁴. В то же время оборотной стороной буддистского лоялизма, ценившегося имперскими властями, была возможность эффективно противостоять русификации и христианизации.

На уровне персоналий особое внимание в Бурятии уделяется фигуре хамбо-ламы А. Доржиева, его выдающейся роли в духовной и политической жизни Тибета, Монголии, регионов Сибири, где высока доля населения, исповедующего буддизм, а также его вкладу в строительство буддистского храма Калачакры в Санкт-Петербурге и создание духовных образовательных заведений в Калмыкии. Большой интерес вызывают его взгляды на возможность расширения политического влияния России во внутренней Азии, включая «культурно-экономическое завоевание» Тибета и Монголии, его сотрудничество с П.А. Бадмаевым, предлагавшим еще более радикальные идеи относительно перспектив российской экспансии в этой части Евразии, его роль в российско-британской «Большой игре». Манифестацией его признания на официальном уровне стало учреждение в 2003 г. медали Агвана Доржиева, присуждаемой «за выдающиеся заслуги перед Республикой Бурятия по укреплению мира и дружественных отношений между народами, активную общественную и благотворительную деятельность»⁵.

Обретение в 2002 г. нетленного тела Пандито Хамбо-ламы XII Д.-Д. Итигэлова, умершего в 1927 г., вызвало подъем интереса к истории буддизма в начале XX в. не только среди его адептов, но и в более широкой обывательской среде. Перенос тела Итигэлова в Иволгинский дацан и активная роль в этом нынешнего Пандито Хамбо-Ламы Д.Б. Аюшеева способствовали укреплению позиций БТСР в отношениях с обществом, властью, а также другими течениями буддизма. На этом фоне начинают появляться и весьма амбициозные попытки осмысления феномена Итигэлова, предполагающие десекюляризацию «общественного сознания жителей Бурятии, бурят и не-бурят», укрепление «чувства национальной исключительности», конструирование бурятского мы-образа и идентичности, возможность вдохнуть «в бурятскую национальную идею новую жизнь, поскольку это чудо подтверждает нерядовую роль бурятского сообщества в России» (Амоголонова, 2012). По оценке Д. А. Узланера, почитание Хамбо-ламы Итигэлова является стержнем проводимой БТСР политики памяти, направленной на усиление позиций Иволгинского дацана как национального религиозного центра в противостоянии с Лхасой и/или Дхарамсалой⁶ как транснациональными центрами тибетского буддизма (Узланер, 2018: 9).

Советская эпоха

Революционные потрясения 1917 г. и последовавшая за ними гражданская война, безусловно, занимают важное место в тематическом репертуаре политики памяти в Бурятии и соседних регионах. С одной стороны, в этом регионе воспроизводятся общие тенденции, проявляющиеся в отсутствии

⁴ Само решение бурятского буддистского духовенства о почитании Екатерины II в качестве воплощения Белой Тары было принято в 1764 г.

⁵ О государственных наградах Республики Бурятия: Закон Республики Бурятия от 13 июля 2009 г. N 910-IV. Ст. 9. URL: <http://base.garant.ru/29533000/daf75cc17d0d1b8b796480bc59f740b8/#ixzz6ue0y6HYC> (дата обращения: 15.06.2022).

⁶ С 1959 г. – место пребывания в изгнании Далай-ламы XIV.

четко артикулированной позиции федеральных властей в отношении Февральской и Октябрьской революций как «неудобных юбилеев» (Малинова, 2018: 10). Выбор сделан в пользу мнемонического плюрализма, допускающего полифонию нарративов о революции(ях) 1917 г., но регулирующего остроту дискуссий и ориентирующего их участников на достижение примирения и согласия. В этих условиях представители регионального сегмента вертикали власти, как правило, предпочитают воспроизводить шаблон действий федеральных властей.

С другой стороны, следует принимать во внимание специфические особенности восприятия событий 1917 г. и гражданской войны в Бурятии. Она, как и в целом Восточная Сибирь, не была в конце 1910-х–начале 1920-х гг. зоной благоприятствования большевистскому проекту социально-политических преобразований. Напротив, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в этот период предпринимались попытки реализации самых разнообразных проектов организации политической власти, часть из которых не укладывается в «красно-белую» парадигму описания гражданской войны и революции.

Тот факт, что бурятская государственность восходит к эпохе гражданской войны и первых лет советской власти, неизбежно дает проекцию на современность и проблемы статуса титульной этнической группы, отчасти затеняя политико-идеологические размежевания столетней давности. Вклад того или иного деятеля, политической и военной силы в становление бурятской государственности становится одним из основных критериев оценки, тогда как позиция в общероссийском гражданском и военно-политическом противостоянии, скорее, рассматривается в этой оптике как фоновый фактор. При сохранении пиетета к большевистским деятелям, входившим в советский пантеон памяти (в частности, к М. Н. Ербанову), в республике происходит расширение ареала позитивной исторической памяти за счет включения в него институциональных структур (прежде всего, Бурнацкома – Центрального национального комитета бурят-монголов Восточной Сибири) и исторических фигур (Э.-Д. Р. Ринчино, Ц. Ж. Жамцарано, М. Н. Богданова и др., принадлежавших к партии эсеров (Медведева, 2019), сыгравших значительную роль в создании бурятской автономии и в то же время внесших крупный вклад в развитие идеологии и реализацию политических установок панмонголизма (Балдано, Варнавский, 2017). Эта тенденция частично распространяется и на события / персоналии, фактически табуированные в советское время, например, на попытку создания в 1919 г. на территории Кижингинского района Бурятии теократического государства Кодунай эрхидж балгасан во главе с ламой Л.-С. Цыденовым (Цыремпилов, 2015).

Бурятоцентричный взгляд на события гражданской войны, скорее, формирует дополнительные препятствия для изменения доминирующего в исторической памяти негативного отношения к семеновцам – основным противникам Красной Армии в Забайкалье. Несмотря на панмонголистские устремления атамана Г. М. Семенова и барона Р. Ф. Унгерна фон Штернберга, а также важнейший вклад последнего в обеспечение независимости современной Монголии, их геополитические проекты воспринимаются как чуждые бурятским интересам, рассчитанные на эксплуатацию человеческих и экономических ресурсов Бурятии. В рамках этого дискурса особое внимание уделяется жестоким расправам со стороны семеновцев и унгерновцев, в том числе расстрелу председателя Бурнацкома М. Н. Богданова.

Вместе с тем довольно интенсивные, хотя и локализованные конфликты исторической памяти возникают и за рамками бурятоцентричного взгляда на революцию и гражданскую войну. В числе таких конфликтов – неожиданно вспыхнувшее «противостояние» мемориальных объектов, посвященных К. К. Рокоссовскому, участвовавшему в разгроме формирований барона Унгерна, и одному из унгерновских командиров, казачьему атаману П. П. Сухареву. Инициатива установки памятника Рокоссовскому исходила от РВИО; проект был отобран по результатам голосования жителей Бурятии, а сам памятник торжественно открыт в Улан-Удэ в декабре 2019 г. Мемориальная доска антагонисту Рокоссовского – атаману Сухареву была установлена на месте дома последнего в селе (ранее – казачьей станице) Желтура на частные средства. В самой Желтуре функционирует и музей Рокоссовского, поскольку там располагался штаб 35-го Кавалерийского полка, которым командовал будущий маршал. Сильная поляризация мнений по поводу этой коллизии нашла отражение в социальных сетях (группа «Желтура»), причем «сторонники» Сухарева заявляли о возможности неучастия в голосовании 1 июля 2020 г. о поправках в Конституцию РФ в связи с наличием в пакете поправок положений о защите исторической памяти⁷. В целом именно представители казачества выступают в качестве

⁷ «Памятник атаману, воевавшему под командой барона Унгерна, разделил жителей села в Бурятии» (2020), *МК.РУ Улан-Удэ*, 8 июня. URL: <https://ulan.mk.ru/social/2020/06/08/pamyatnik-atamanu-voevavshemu-pod-komandoy-barona-ungera-razdelil-zhiteley-sela-v-buryatii.html> (дата обращения: 14.07.2022).

мнемонического актора, поддерживающего реабилитацию в исторической памяти Белого движения и иных противников большевиков.

Весьма неожиданным развитием темы судьбы соотечественников, покинувших Россию в результате революции и гражданской войны, стала постановка пьесы В. Басаа «Ветер минувших времен» в Бурятском театре драмы в 2014 г. Главный герой пьесы – У. Г. Гармаев – офицер в войсках атамана Семенова, который впоследствии был принят на военную службу в государстве Маньчжоу-го, где дослужился до звания генерал-лейтенанта (также имел звание генерала японской императорской армии), участвовал в боях на Халхин-голе, в конце августа 1945 г. добровольно сдался в плен советским войскам и расстрелян в 1947 г. по приговору Верховного суда СССР. Постановка вызвала скандал, поскольку речь в ней шла не просто о судьбе эмигранта, но о человеке, который активно участвовал в боевых действиях против Красной армии. Весьма резко о постановке пьесы высказалась журналистка газеты «МК в Бурятии» Т. Никитина, особо отметившая неуместность этой художественной акции в год 70-летия Победы над фашизмом и японским милитаризмом⁸. Ответная реакция на статью Никитиной была бурной вплоть до обращений в суд: оппоненты делали упор на то, что в 1992 г. Гармаев был реабилитирован и что нападки на постановку означают неуважение к памяти всех незаконно репрессированных. Стоит отметить, что 30 октября 2015 г., в День памяти жертв политических репрессий, показ этого спектакля действительно стал кульминацией мероприятий, включавших в себя также возложение цветов к памятнику жертвам репрессий и проведение акции «Возвращение имен» с зачитыванием имен репрессированных по политическим мотивам в Бурятии. Покупку билетов на спектакль для участников митинга взяло на себя республиканское Министерство социальной защиты. В дальнейшем, однако, официальные структуры предпочли дистанцироваться от развернувшейся вокруг постановки дискуссии.

Политические и социально-экономические преобразования, развернувшиеся в Бурятии после окончательного утверждения там советской власти, весьма неравномерно отражаются в современных исторических нарративах. Доминируют комплементарные оценки опыта национально-государственного строительства в 1920–1930-е гг., когда происходило формирование и укрепление институтов бурят-монгольской государственности в составе РСФСР и СССР. Негативно, как навязанное Москвой решение, в основном оценивается переход в 1930-е гг. со старомонгольской письменности сначала на латиницу, а затем и на кириллицу, а также объявление нормативным хоринского диалекта бурятского языка (Чимитдоржиев, 1999: 12). Вместе с тем в оценках этого периода в самой Бурятии присутствуют внутренние противоречия и несостыковки, поскольку одновременно приветствуются и бурятское политико-институциональное строительство на советской идеологической основе, и перспектива восстановления единства разрозненных частей монгольского этноса (включая и близкородственные этнические группы). Многие в данном случае связано с используемым историографическим ракурсом. Очевидно, что рассмотрение истории Бурятии в 1920–1930-е гг., главным образом, в контексте истории национальной политики советского коммунистического режима или его региональной политики к востоку от Урала не позволяет выстроить целостную и эффективную объяснительную модель. Историю Бурятии, как, впрочем, Тывы и ряда других фронтальных регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока целесообразно рассматривать также в контексте истории политико-идеологической экспансии Кремля и Коминтерна во всей Внутренней и Восточной Азии. Если же последнюю интерпретировать через призму геополитики (Znamenski, 2012), то появляются основания для выявления генетической связи этой экспансии с геополитикой эпохи царизма. Линии прохождения государственной границы в данном ракурсе не столь важны, поскольку их подвижность определяется успешностью / неуспешностью соответствующей геополитической стратегии, в которой судьба большого или малого этноса (в том числе, монголов и бурят) становится одной из ставок в «большой игре».

Но если геополитика важна для понимания исторической динамики в рассматриваемых регионах России, то апелляция к ней в политике памяти создает и дополнительные трудности. То, что находит сугубо инструментальное применение в геополитической игре, в мнемонической политике может трансформироваться в место памяти, стать основой значимого для той или иной группы нарратива, даже если он и расходится с современными международными реалиями. Созданная в 1923 г. государственность Бурято-Монгольской АССР⁹ сама по себе является местом памяти для бурят, но при этом в качестве опорной зоны великомонгольского ирредентизма населенные бурятами террито-

⁸ Никитина, Т. (2015) 'Долой уржингармаевщину с театральных подмостков', *МК в Бурятии*, 27 мая. URL: <https://ulan.mk.ru/articles/2015/05/27/doloy-urzhingarmaevshinu-s-teatralnykh-podmostkov.html> (дата обращения: 24.07.2022).

⁹ Написание 1923 г.

рии могли выступать лишь на протяжении непродолжительного периода времени (1910–1920-е гг.), когда международное соотношение сил и устремления крупных региональных игроков были относительно благоприятными для сторонников панмонголизма. Да и в самом движении панмонголизма этого периода слишком сильно сталкивались друг с другом родовые, региональные и личностные интересы (Юзефович, 1996), причем монгольские (халхасские) элиты с немалым подозрением относились к лидерским амбициям бурятских деятелей.

Возрождение панмонголистских устремлений, наблюдаемое у части бурятской интеллектуальной элиты, уже не может претендовать на ирредентистский проект. Помимо самой Монголии, ни в одном регионе Китая или России (за исключением расположенной за пределами Азии Калмыкии) монголы или близкородственные этносы уже не составляют большинства. Монгольское государство (в прошлом – Внешняя Монголия), «зажатое» между Китаем и Россией, не может себе позволить поддерживать ирредентистскую программу, хотя неофициальные настроения в пользу Великой Монголии там достаточно распространены. При этом, однако, новый бурятский панмонголизм способствует закреплению представлений о единстве монгольского мира, а также ареала тибетского буддизма. Соответственно, в исторической памяти связь с монгольским миром обретает особую значимость, а попытки ее ослабить рассматриваются как показатели виктимизации бурятского этноса. Сталинские репрессии занимают в этой оптике особое место, поскольку уничтожение значительной части политико-административной и интеллектуальной элиты Бурят-Монголии, а также буддистского духовенства в конце 1930-х гг. осуществлялось под предлогом разоблачения и разгрома «панмонгольской диверсионно-шпионской организации». Явная связь волны репрессий в отношении бурят-монгольской элиты и решения о выводе из состава БМАССР Усть-Ордынского и Агинского автономных округов (26.09.1937) дает сегодня основания ряду активистов, не только требовать поминовения и восстановления справедливости в отношении незаконно репрессированных лиц, но и рассматривать в качестве репрессированного весь бурятский народ. При этом используется термин «территориальная реабилитация», под которым подразумевается восстановление административно-территориального единства Бурятии, Усть-Ордынского и Агинского округов¹⁰. В то же время очевидно, что акцентирование этнической составляющей может приводить к затушевыванию тех репрессий, которые были направлены против представителей других этноконфессиональных групп. Так, например, в Хоринском (1929 г.) и особенно Малетинском (1930 г.) восстаниях против коллективизации важную роль играли семейские, и, соответственно, представители этой когорты старообрядчества попали под удар репрессий точно так же, как и буряты (Жеребцов, 2005).

Память о Великой Отечественной войне тесным образом переплетена с событиями Второй мировой войны в Восточной Азии, предшествовавшими гитлеровскому вторжению и последовавшими после разгрома нацистской Германии. В исторической памяти Дальнего Востока и Восточной Сибири военное противостояние с Японией на о. Хасан в 1938 г. и на р. Халхин-Гол в 1939 г. выступают как первые вехи, знаменующие вклад макрорегиона в будущую победу. Коммеморации боев на Халхин-Голе являются значимыми для официального руководства Бурятии и Иркутской области, поскольку дают возможность подчеркнуть историческое значение боевого содружества с Монголией и в целом способствуют укреплению добрососедских связей.

То обстоятельство, что режим памяти и нарративы о Великой Отечественной войне в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке почти не отличаются от восприятия войны в европейской части России, где разворачивались боевые действия, служит еще одним подтверждением того, что война и Победа над нацистской Германией выполняют роль смыслового каркаса всей российской политики памяти, причем ощущение их экзистенциальной значимости сохраняется у всех поколенческих когорт во всех частях страны. Местные особенности проявляются, прежде всего, в понятном интересе сибиряков и дальневосточников к боевому пути формировавшихся к востоку от Урала воинских подразделений. Молодежные поисковые отряды (например, сформированный в 2006 г. в Бурятии отряд «Рысь») ежегодно организуют экспедиции по местам сражений, занимаясь поиском и захоронением останков красноармейцев, а также выявлением среди павших уроженцев своего региона; эпизоды из сражений Великой Отечественной войны часто разыгрываются местными реконструкторами.

Историческая память о периоде между окончанием Второй мировой войны и распадом СССР в значительной степени носит ностальгический характер. Период 1950–1970-х гг. многими воспринимается как своеобразная Belle Époque Сибири и Дальнего Востока, когда макрорегион купался в

¹⁰ Васильев, Б. (2012) «Как реабилитировать республику?», *Buryatia.org*, 23 дек. URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=23093&postdays=0&postorder=asc&start=105&sid=24d239add16245db2c93c5052b7fad19> (дата обращения: 29.07.2022).

лучах внимания центрального партийного руководства, делавшего ставку на индустриальное и инфраструктурное развитие, укрепление транспортной связанности огромных территорий «от Байкала до Амура».

Возможно, своеобразным эксцессом ностальгии по позднесоветским временам стали увековечение памяти и торжественная установка в центре Улан-Удэ бюста А. У. Модогоеву, возглавлявшему Бурятский обком КПСС в 1962–1983 гг. Более вероятно, однако, что в данном случае проявились специфические особенности мнемонического ландшафта Бурятии. Многие представители бурятской политической элиты, включая первого президента Бурятии Л. В. Потапова, были обязаны Модогоеву стартом своей управленческой карьеры. Не менее важную роль играют семейные и родоплеменные традиции, стремление увековечить память выдающегося земляка и подчеркнуть тем самым влияние клана на ход дел в республике. Как ни парадоксально, почитание Модогоева в современной Бурятии вполне сочетается с чествованием Б. Д. Дандарона¹¹, чье преследование и разгром созданной им буддистской общины осуществлялись именно в модогоевский период. В данном случае можно говорить об эклектизме культуры памяти, который, правда, характерен далеко не только для Бурятии.

В целом ностальгическое восприятие хрущевской и брежневской эпохи в историческом сознании жителей Сибири и Дальнего Востока более тесно связано с местной идентичностью, чем об этом можно говорить применительно к россиянам, живущим к Западу от Урала. Общая социальная травма, связанная с распадом СССР и реформами 1990-х гг., в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке еще более усилена фрустрацией, связанной с утратой экономических преимуществ позднесоветского времени и ощущения особой миссии макрорегиона для настоящего и будущего России. В репертуаре исторической памяти Бурятии пока остаются востребованными эпизоды, которые подпитывают недоверие к политике федерального центра. Масштаб разочарования достаточно велик, чтобы его можно было быстро преодолеть новой риторикой «Поворота на Восток» и пока не очень последовательными практическими действиями, призванными обеспечить опережающее развитие макрорегиона¹².

Заключение

Бурятия, как и большинство субъектов федерации со статусом автономии, демонстрирует более напряженный режим исторической памяти по сравнению с регионами, где этничность не имеет территориального измерения. В Бурятии титульный этнос не является доминирующим в общей численности населения республики, но, тем не менее, мнемонические акторы, претендующие на право говорить от лица этнических бурят, нередко выступают в роли вето-игроков в решении значимых вопросов политики памяти. Причем руководители и структуры государственной власти республики, несмотря на их ресурсное доминирование, в конфликтных ситуациях чаще выступают в качестве медиаторов. В обстоятельствах, способных привести к мобилизации титульного этноса, они предпочитают максимально оттягивать решение проблемы или идут на символические уступки той части общественного мнения, которая наиболее громко заявляет о борьбе за интересы бурятского народа. При этом власти не могут не демонстрировать лояльность и общегосударственному историческому нарративу.

Споры об исторической памяти стимулируют всплески этнической мобилизации. Весьма важной при обсуждении вопросов исторического прошлого оказывается роль научной интеллигенции, но затем соответствующий дискурс мультиплицируется и редуцируется этническими активистами и деятелями Интернет-пространства, не имеющими достаточной профессиональной квалификации. В целом проявления этнической мобилизации пока остаются ситуативными, она активно используется в период электоральных кампаний или в обстоятельствах, благоприятствующих перераспределению различных ресурсов между землячествами (кланами) и группами влияния (Дашибалова, 2017). Вместе с тем мнемонические конфликты, способствующие мобилизации одной этнической группы, предполагают активные действия в сфере исторической памяти и представителей другого

¹¹ Мальцева, А. (2014) 'Благотворительный марафон, посвященный памяти буддийского йогина Бидии Дандарона, провели в Улан-Удэ', *ГТРК Бурятия*, 2 дек. URL: <https://bgrk.ru/news/society/109543/> (дата обращения: 06.08.2022).

¹² См., напр.: Щербаков, Д. (2021) 'Павел Минакир: «Поворот на восток: миссия не/выполнима». Как объективные цифры противоречат бодрым отчетам – и наоборот', *EastRussia*, 6 июня. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/pavel-minakirovogo-ot-na-vostok-missiya-ne-vypolnima/> (дата обращения: 06.08.2022).

этноса (чаще всего, русских), причем эти действия также зачастую провоцируют этническую мобилизацию.

В литературе высказываются мнения, что общая стратегия структур власти Бурятии, включающая и политику памяти, состоит в деполитизации этничности, в ее перекодировке и конструировании региональной (республиканской) идентичности, основными особенностями которой являются «толерантность к культурной инаковости и достаточно выраженная аполитичность» по отношению к таким проблемам как самоопределение титульной этнической группы или соотношение политического статуса «коренного» и «некоренного» населения (Варнавский, 2012). На это, в частности, направлены меры приоритетной поддержки властями различных фестивалей и иных деполитизированных по своей направленности культурных мероприятий. Однако в сфере политики памяти такая стратегия ограничивает возможности проактивных действий. Появление новых мнемонических конфликтов сразу будет ставить вопрос об эффективности подобной стратегии. Конфликты памяти в регионах, где этничность сопряжена с территориальностью, как правило, могут служить индикаторами этнической мобилизации или иных процессов, требующих пристального внимания политического руководства.

Список литературы / References

- Амоголонова, Д. Д., Батомункуев, С. Д., Варнавский, П. К., Куклина, В. В., Мисюркеева, Ю. С., Содномпилова, М. М. (2008) *Буряты: социокультурные практики переходного периода*. Иркутск: МИОН. [Amogolonova, D. D., Batomunkuev, S. D., Varnavskiy, P. K., Kuklina, V. V., Misyurkeeva, Yu. S., Sodnompilova, M. M. (2008) *Buryats: Sociocultural Practices of the Transitional Period* [Buriaty: sociokulturnye praktiki perehodnogo perioda]. Irkutsk: MION. (In Russ.)].
- Амоголонова, Д. Д. (2012) 'Возвращение хамбо-ламы Итигэлова и новая концепция возрождения Бурятии', *Вестник Бурятского государственного университета*, 7, сс. 65–70. [Amogolonova, D. D. (2012) 'The Return of Khambo Lama Itigelov and the New Concept of the Revival of Buryatia' [Vozvrashcheniye khambolamy Itigelova i novaya kontseptsiya vozrozhdeniya Buryatii], *Bulletin of the Buryat State University*, 7, pp. 65–70. (In Russ.)]
- Балдано, М. Н., Варнавский, П. К. (2017) '«Великая Монголия»: концепция политического единства и попытка ее реализации (1900-1920 гг.)', *Вестник Томского государственного университета*, 419, сс. 99–108. [Baldano, M. N., Varnavskiy, P. K. (2017) "Great Mongolia": the Concept of Political Unity and an Attempt to Implement It (1900-1920) [«Velikaya Mongoliya»: kontseptsiya politicheskogo yedinstva i popytka yeye realizatsii (1900-1920 gg.)], *Tomsk State University Bulletin*, 419, pp. 99–108. (In Russ.)].
- Варнавский, П. К. (2011) '«Национальная» религия в контексте глобализации: традиционный буддизм в современной Бурятии', *Антропологический форум*, 14, сс. 192–211. [Varnavskiy, P. K. (2011) "'National" Religion in the Context of Globalization: Traditional Buddhism in Modern Buryatia' [«Nazionalnaya» religia v kontekste globalizatsii: Traditsionnyj buddhizm v sovremennoj Buryatii], *Anthropological Forum*, 14, pp. 192–211. (In Russ.)].
- Варнавский, П. К. (2012) 'Конструирование социокультурных границ в дискурсе бурятской этничности (начало XXI в.)', *Debaty Artes Liberales: Пограничье культур – культуры пограничья*, Warszawa, VI, сс. 244–267. [Varnavskiy, P. K. (2012) 'Constructing Socio-Cultural Boundaries in the Discourse of Buryat Ethnicity (Early 21st Century)' [Konstruirovaniye sotsiokul'turnykh granits v disкурсе buryatskoy etnichnosti (nachalo XXI v.)], *Debaty Artes Liberales: Borderlands of Cultures – Cultures of Borderlands*, Warszawa, VI, pp. 244–267. (In Russ.)].
- Дашибалова, И. Н. (2017) 'Этносоциальная стабильность и политизация этничности в регионе (на примере Республики Бурятия)', *Теория и практика общественного развития*, 11, сс. 51–53. [Dashibalova, I. N. (2017) 'Ethno-social Stability and Politicization of Ethnicity in the Region (on the Example of the Republic of Buryatia)' [Etnosotsial'naya sta-

- bil'nost' i politizatsiya etnichnosti v regione (na primere Respubliki Buryatiya)], *Theory and Practice of Social Development*, 11, pp. 51–53. (In Russ.).
- Жеребцов, Г. А. (2005) *Крестьянские восстания в Забайкалье: конец 20-х – начало 30-х гг. XX столетия*. Чита. [Zherebtsov, G. A. (2005) *Peasant Uprisings in Transbaikalia: the End of the 20s – the Beginning of the 30s. XX Century* [Krest'yanskiye vosstaniya v Zabaykal'ye: konets 20-kh – nachalo 30-kh gg. XX stoletiya]. Chita. (In Russ.)].
- Каганский, В. Л. (2013) *Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта*. Москва: Стрелка пресс. [Kaganskiy, V. L. (2013) *How is Russia Organized? Portrait of a Cultural Landscape [Kak ustroena Rossja? Portret kul'turnogo landshafta]*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2018) 'Коммеморация столетия революции(й) 1917 г. в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов', *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 9–25. [Malinova, O. Yu. (2018) 'Commemoration of the Centenary of the Revolution(s) of 1917 in the Russian Federation: an Analysis of the Strategies of Key Mnemonic Actors' [Kommemoratsiya stoletiya revolyutsii(y) 1917 goda v RF: analiz strategiy klyuchevykh mnemonicheskikh aktorov], *Polis. Political Studies*, 1, pp. 9–25. (In Russ.)].
- Медведева, Н. Н. (2019) 'Эсеры и Бурятский национальный комитет в 1917 г.', *Современная научная мысль*, 2, сс. 53–58. [Medvedeva, N. N. (2019) 'SRs and the Buryat National Committee in 1917' [Esery i Buryatskiy natsional'nyy komitet v 1917 g.], *Modern Scientific Thought*, 2, pp. 53–58. (In Russ.)].
- Михалев, А. В. (2020) 'Часовые фронта: памятники атаманам и политика коммеморации в условиях дальневосточного пограничья' в: Миллер, А. И., Ефременко, Д. В. (ред.) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, сс. 322–335. [Mikhalyov, A. V. (2020) 'Sentinels of the Frontier: Monuments to Atamans and the Policy of Commemoration in the Conditions of the Far Eastern Borderlands' [Tschasovye frontira: pamyatniki atamanam i politika kommemoratsii v uslovyakh dalnevostochnogo pogranchya], in: Miller, A. I., Efremenko, D. V. (eds.) *The Politics of Memory in Modern Russia and Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives*. St. Petersburg: European University Press at St. Petersburg, pp. 322–335. (In Russ.)].
- Петрова, Е. В. (2017) 'Старообрядцы Забайкалья: особенности формирования этноконфессиональной группы и основные направления развития в современных условиях', *Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение*, 19, сс. 70–76. [Petrova, E. V. (2017) 'Old Believers of Transbaikalia: Features of the Formation of an Ethno-confessional Group and the Main Directions of Development in Modern Conditions' [Starobryadtsy Zabaikalya: osobennosti formirovaniya etnokonfessionalnoj grupy i osnovnye napravleniya razvitiya v sovremennykh uslovyakh], *Bulletin of the Irkutsk State University. Ser. Political Science. Religious Studies*, 19, pp. 70–76. (In Russ.)].
- Узланер, Д. А. (2018) *Идеология традиционных ценностей: социально-философский анализ подъема морального консерватизма в XXI веке*. Москва: РАНХиГС. [Uzlaner, D. A. (2018) *The Ideology of Traditional Values: A Socio-Philosophical Analysis of the Rise of Moral Conservatism in the 21st Century* [Ideologiya traditsionnykh tsennostey: sotsial'no-filosofskiy analiz pod'yema moral'nogo konservatizma v XXI veke]. Moscow: RANEP. (In Russ.)].
- Цыремпилов, Н. В. (2015) 'Конституционная теократия Лубсан-Самдан Цыденова: попытка создания буддийского государства в Забайкалье (1918–1922)', *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*, 33 (4), сс. 318–346. [Tsyrempilov, N. V. (2015) 'Lubsan-Samdan Tsydenov's Constitutional Theocracy: an Attempt to Create a Buddhist State in Transbaikalia (1918–1922)' [Konstitutsionnaya teokratiya Lubsan-Samdan Tsydenova: popytka sozdaniya buddiyskogo gosudarstva v Zabaykal'ye (1918–1922)], *State, Religion, Church in Russia and Abroad*, 33 (4), pp. 318–346 (In Russ.)].

Чимитдоржиев, Ш. (1999) 'Бурят-монгольский этнос и монгольский мир', *Проблемы традиционной культуры Байкальского региона: материалы международной научно-практической конференции*, Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, сс. 12–13. [Chimitdorzhiev, Sh. (1999) 'Buryat-Mongol ethnos and the Mongolian world' [Buryat-mongol'skiy etnos i mongol'skiy mir] in: *Problems of Traditional Culture of the Baikal region. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference*, Ulan-Ude: Publishing house of the BSC SB of the Russian Academy of Sciences, pp. 12–13 (In Russ.)].

Юзефович, Л. А. (1996) 'Начало панмонгольского движения и атаман Семенов', *Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты*, сс. 179–182. [Yuzefovich, L. A. (1996) 'The Beginning of the Pan-Mongolian Movement and Ataman Semenov' [Nachalo panmongol'skogo dvizheniya i ataman Semenov], *Humanities in Russia: Soros Laureates*, pp. 179–182. (In Russ.)].

Kaplonsky, Ch. (2004) *Truth, History and Politics in Mongolia. Memory of Heroes*. London-New York: Routledge.

Znamenski, A. (2012) *Red Shambhala: Magic, Prophecy, and Geopolitics in the Heart of Asia*. Wheaton, IL: Quest books.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2022

Статья принята к печати: 20.08.2022

THE POLITICS OF MEMORY IN THE STEPPES OF TRANSBAIKALIA: MNEMONIC LANDSCAPE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

D. V. Efremenko

D.V. Efremenko, leading researcher, deputy director,
Institute for Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: efdv2015@mail.ru (ORCID 0000-0001-6988-472X. Researcher ID: Q-1907-2016).

Abstract

The article analyzes the problems of memory politics in modern Buryatia. The example of Buryatia demonstrates the specifics of memory politics at the regional level, where mnemonic interactions and narratives may differ from the corresponding processes at the federal level. Like most regions with autonomy status, Buryatia is distinguished by a more intense regime of historical memory compared to regions where ethnicity has no territorial dimension.

The interactions of key mnemonic actors are considered, the main zones of conflicts associated with different interpretations of the historical past are identified. Particular attention is paid to the politics of memory associated with the role of Buddhism in the history and culture of the region.

Keywords: politics of memory; Republic of Buryatia; mnemonic actors; monuments; commemorations; ethnicity.